

Ваш "ВЫХОД, маэстро!"

ВОТ УЖЕ ДВА ГОДА В СТУДИИ ПРИ УФИМСКОМ ЦИРКЕ ИДЕТ ПОДГОТОВКА БАШКИРСКОЙ ЦИРКОВОЙ ГРУППЫ. ОНА СОСТОИТ В ОСНОВНОМ ИЗ ТАЛАНТЛИВЫХ РЕБЯТ, ПРИЕХАВШИХ СО ВСЕХ КОНЦОВ ГЕСПУБЛИКИ. СРЕДИ ЗНАМЕНИТЫХ В ПРОШЛОМ АРТИСТОВ ЦИРКА, А СЕЙЧАС РЕЖИССЕРОВ, ГОТОВЯЩИХ ЭТИХ РЕБЯТ К ВЫСТУПЛЕНИЯМ, ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ НЕСТЕРОВ. ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ АРТИСТОВ СОВЕТСКОГО ЦИРКА, ИМЯ КОТОРОГО НАМ ХОРОШО ИЗВЕСТНО. СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ГЕОРГИЙ НЕСТЕРОВ НАЧИНАЛ СВОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЦИРКОВОМ ИСКУССТВЕ. ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ДАВНО...

ПО УТРАМ маленького варшавянина Гошу будили две настоящие синицы.

— Чвык, чвык, — говорили они требовательно и стучали своими клювиками в окно, будто напоминая, что кормушка уже пуста. В это время он открывал глаза. Через разрисованное узорами стекло проглядывало зимнее солнышко, а в соседней комнате, в камине, весело потрескивали сосновые поленья. Он всегда просыпался с улыбкой, вскакивал и бежал в соседнюю комнату к маме.

Ему, единственному ребенку

в семье, ни в чем не было отказа. Все же малышу всегда чего-то не хватало. Казалось, что в соседних домах, таких величественных, еще лучше, еще веселее, и его всегда тянуло в эти дома и дворы.

Но началась первая мировая война. Внезапно умер отец. И им, вдвоем с матерью, пришлось уехать в далекий волжский город Нижний Новгород. Там его мать получила место учительницы гимназии. Сняли квартиру. И это была еще очень сносная жизнь, и многие могли только мечтать о такой. Но для Гоши эта перемена была очень ощутимой. По у-

трам уже не было его знакомых синиц, и ему сейчас их очень не хватало. Не было по утрам и солнца, только вечером оно ненадолго заглядывало к ним в комнату и тут же исчезало. Но зато по ночам беспрестанно шуршала одна-единственная мышь, к которой они очень долго никак не могли привыкнуть. Мать старалась не дать малышу почувствовать перемены. К жалованью она прибавляла деньги, вырученные за проданные вещи. После смерти отца многие из них вдруг стали совершенно ненужными. Но вещей оставалось все меньше и мень-

ше, а денег всегда было в обрез.

Однажды мать не вернулась с работы. Ее положили в больницу с тифом. В последний раз он увидел ее только издали. Это была стриженная наголо, осунувшаяся незнакомая женщина. Санитар только на секунду приподнял простыню, и после этого Гоша уже больше никогда не видел свою мать.

Он остался совершенно один в городе, где не было ни одного родственника, ни одного знакомого, в чужом доме, из которого уже пора было уходить.

— Мальчик, — остановил его через несколько дней после смерти матери хозяин дома (он и до этого никогда не называл его по имени). — Мальчик, вот тебе инструмент, — он носком ботинка выдвинул небольшой ящичек, в котором лежали сапожные щетки. — Ты знаешь, мальчик, для того, чтобы жить, нужно работать, — проговорил он. И с этого дня Гоша стал маленьким чистильщиком обуви.

КАЖДЫЙ, с кем приходилось ему сталкиваться, хотели заработать на нем хоть грош. Некоторые клиенты в начале его практики просто забывали заплатить ему, почистив свои башмаки. Жизнь шла и заставляла его ускоренными темпами проходить свои университеты. Постепенно он превращался в типичного для того времени рассторопоного, бойкого чистильщика.

Через год с небольшим уже никак нельзя было узнать в этом пацаненке того самого изнеженного мальчика.

Неизвестно, чем бы все кончил этот маленький чистильщик, если бы не один случай.

Свое предприятие он устроил на бойком месте — возле цирка. Ну, и, естественное дело, как и все его сверстники, обожал цирк. Он постоянно чистил им бесплатно ботинки, экономил каждый грош и не пропускал ни одного представления. Однажды к нему вместе со своей женой подошел цирковой силач. Его жена начала сразу же, без предисловий:

— Мальчик, — сказала она, — мы решили взять тебя в цирк.

Но ты должен работать. Ты должен делать все, что тебе скажут. Со временем, может, ты и станешь артистом цирка, или как говорят, циркачом, таким же, как он, как я. Но тебя никто не обнадеживает. Потому что это или дано, или не дано вовсе. Понял? — закончила она, держа голову так, будто заглядывала на него через высокий барьер.

Вначале он утвердительно кивнул головой, потом сказал: «Да, мадам, я все понял».

Он согласился, даже не понимая, как это произошло, все было как во сне. Как загнипотизированный он шел за ними в цирк. Со своим пропахшим гуталином ящиком на груди он так напоминал сейчас шарманщика. Гоша стал цирковым мальчиком.

В цирке, как он ожидал, его ничему не учили. Он исправно чистил всем ботинки, поочередно его гоняли в лавку за продуктами, за молоком для чьего-нибудь малыша, помогал кормить зверей, готовить обед и делал все, чем пренебрегали сами циркачи.

Впрочем, учить его чему-то они не думали. Они просто-напросто не прогоняли его, позволяли смотреть на свои тренировки, давали возможность видеть не только готовые номера, которые потом исполняли с блеском, но и позволяли вникнуть в тайное искусство — увидеть, каким трудом дается эта легкость и изящество. И это было уже многое. Внимательный малыш сам постепенно начал присматриваться ко всему. Он видел, как работают мастера, и если ему нравилось что-нибудь, он так же, как и они, сотни раз мысленно проделывал эти комбинации. И у него начинало получаться. А когда в цирке никого не оставалось, он выходил на манеж и повторял трюки сам, десятки раз, до тех пор, пока не начинало получаться. Потом он, отдыхая, представлял себя укротителем. В его руке яростно шелкал бич, и самые лютые звери слушались его, как котят. Они урча выполняли немислимые упражнения. Рукоплескал зрительный зал, гремели фанфары. Таким он представлял себя. И каждый раз он сам подгонял себя: «Ваш выход, маэстро!», «Ваш выход, маэстро!».

Труднее давались ему акробатические упражнения, различные замысловатые сальто-мортале и перевороты. Но и эту премудрость со временем он освоил. Стоя позади циркового фокусника, он разгадывал все его секреты, и научился делать их ничуть не хуже него, а, может, даже лучше, потому что он был парнем на самом деле одаренным. Цирк стал его домом. Теперь никакие обязанности уже не могли заслонить в его жизни цирка.

Он весь пропах цирком. За целую версту по-шегольски надвинутой шляпе и независимому виду можно было узнать его. Он жил цирком. И давно понял, что рожден для цирка.

И опять в его жизни произошел поворот, и помог ему в этом, как всегда, случай.

О ДНАЖДЫ во время больших праздничных представлений на арену не явился хозяин двух свирепых на вид львов. Этот номер считался гвоздем программы. Выход дрессировщика оттягивали с номера на номер, а он все не являлся. Наконец, наступил момент, когда откладывать уже было некуда, и предпринимателю цирка ничего больше не оставалось, как объявить всем зрителям об этом. Но до этого из-за болезни артистов и так пришлось сократить на два номера. В общем, скандал был неминуем.

— Львов выведу я, — неожиданно выступил вперед цирковой мальчик. От волнения предательски дрожали руки, и краска залила все лицо.

— Вот и молодец, — схватился было за соломинку хозяин цирка, но тут же махнул рассерженно руками. — Впрочем, о чем разговор. Развели тут дом милосердия...

Никто не успел больше произнести и двух слов, как он уже был внутри клетки. Никто и не предполагал, что эти страшные звери давно уже и очень сдружились с этим мальчиком, который уже несколько месяцев подкармливал голодных зверей, лазил к ним по ночам, а несколько раз на свой страх и риск даже выводил их на арену и заставлял проделывать то же самое, что заставлял делать их и сам дрессировщик.

Номер удался. После представления он во всеулышание заявил:

— Я научился за эти годы всему, что умеете и вы. И теперь я вам не слуга.

И тут все вдруг увидели, что перед ними действительно совсем не тот мальчишка, которого они подбирали несколько лет назад на улице, а мускулистый, крепкий юноша, почти мужчина и что он и на самом деле очень и очень многое умеет делать. Они поняли и то, что, наконец, пришло время, когда они должны снять перед этим, так незаметно выросшим мальчиком, шляпы, потому что он поистине был талантливым циркачом. Как будто и не следили за ним, но оказывается все же многие знали, что из этого мальчика обязательно выйдет толк, они подспудно чувствовали его талант. И тогда они его приняли в свой коллектив как равного.

Это были двадцатые годы. Годы разрухи, годы голода. Немало верст исходил Гоша Нестеров по России. Полуголодный цирк со своим нищенским скарбом передвигался из города в город, из одного села в другое в поисках зрителей и заработка. Но все было тихо — людям в те годы было не до увеселений. Так и распался тогда их цирк. Только через несколько лет, когда в дома стал входить достаток, снова пришла пора цирков, шапито и балаганов. Это была золотая пора для Нестерова, его имя знал почти каждый мальчишка, он был в зените своей славы.

Потом война. Представления на фронтах, которые иногда приходилось прерывать и, упав тут же за какое-нибудь прикрытие, строчить из автомата. После войны он перестал выступать сам и полностью перешел на преподавательскую работу. Долгие годы работал в Московском цирковом училище.

СЕЙЧАС ему уже далеко за семьдесят. Я встретил его в уфимском цирке, где он вместе с другими ведущими артистами в прошлом, а ныне режиссерами готовит первую башкирскую цирковую группу.

Р. ТУХВАТУЛЛИН.

